

Л. Головина

Тараканья охота

Фантастическая повесть для детей

12+

Любовь Головина

Тараканья охота

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Головина Л.

Тараканья охота / Л. Головина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В одной типичной российской школе творится что-то неладное. Первого сентября дети с удивлением узнали, что всех их учителей уволили, а вместо них набрали новых. Да и директора тоже сменили. Но самое страшное вскрылось потом: оказалось, что новые учителя совершенно не знают предметов, которые преподают, при этом с экспертным видом ставят двойки за правильные ответы, да и вообще ведут себя как-то странно. Семиклассники Лёшка Калинин и Пашка Лопухов решают разобраться в этом, ведь на кону стоит качество собственного образования.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Глава 1

В воздухе стояла дымовая завеса. Лёшка высунул голову из-за бруствера и тут же упал навзничь, сражённый ударом в лицо. Рот и нос наполнились пылью – мальчик закашлял. Толком не сообразив, что произошло, он отбросил в сторону сбивший его снаряд. Им оказался обычный мусоросборный пакет для пылесоса, доверху забитый тем, что успело сожрать это устройство с ковра.

– Сержант Пол, против нас используют химическое оружие, – крикнул он стоящему рядом солдату.

– Безобразие, сержант Алекс. Эти индейцы совсем обнаглели. Нужно будет наладить поставку химикатов.

– Отлично, сержант Пол. Но об этом надо было думать раньше. А сейчас нужно чем-то отбиваться, иначе краснолицые прорвутся в крепость.

Краснолицые, действительно, активно наступали. Правда, лица у них были не красного, а, скорее, кофейного цвета. Впрочем, как и другие части тела. Кофейнолицые пытались пройти вброд небольшой залив, который отделял их от возделенного форта. Переправа смыла с них часть автозагара, и струйки глиняного эспрессо потекли с индейских коленок прямо в залив. Но несмотря на потерю боевой раскраски, аборигены не потеряли решимости и мужества. Они уверенно надвигались на крепость американских солдат, и сержант Алекс видел это в свой полевой бинокль.

– Враг наступает.

– Ничего, сейчас они у нас попляшут, – отозвался стоящий около бойницы второй солдат.

И неожиданно бравый шаг неприятеля и в самом деле превратился в пляску. Индейцы начали прыгать и похлопывать себя так, будто оборонялись от комаров. Это сержант Пол вёл прицельный обстрел противника через металлическую трубку. В качестве пуль шло всё, что росло под рукой: ягоды рябины, боярышника и черёмухи. Сержант Алекс покатывался со смеху.

– Давайте, краснолицые, подходите. Сейчас вы попадёте прямо на минное поле.

Это было жестоким испытанием, которое только недавно придумал сержант Пол для обороны крепости. В качестве мин был собран весь коровий помёт в ближайшей округе и щедро разбросан на прилегающей к форту поляне. Пока дачники жаловались на то, что куда-то пропало ценное удобрение, форт американских солдат приобрёл мощное оружие. Индейцы, пляшущие под обстрелом пуль, даже не заметили, как подошли к опасной зоне.

– Фу...блин... я в говно вляпался, – сказал один из краснолицых.

– Эх, всё равно кеды выкидывать – все в глине, воде, а теперь ещё и в какашках, – отозвался второй. – Но мы должны захватить форт, Андрюха. Так близко к нему мы ещё никогда не были. Давай в честь уходящего лета и закрытия сезона поднажмём. Сезон должен закончиться нашей победой.

– Да, Севка, поднажмём.

Взбодрившиеся индейцы с утрашающим улюлюканьем бросились на форт. Но тут, откуда ни возьмись, набежали гуси. Неистово гогоча и размахивая крыльями, они стали напирать на американских аборигенов.

– ААА, Кокосов, что будем делать? Я боюсь этих тварей. Калинин с Лопуховым уже и скотину завербовали.

– Это засада.

– Севка, может, всё-таки слиняем, а? Что-то мне не хочется брать форт ценой жизни.

А гуси уже окружили индейцев Кокосова и Абрикосова и только примерялись, за какое место цапнуть. Сержант Алекс, просто хватался за живот от хохота на своём наблюдательном пункте. Но вдруг, ужасно боявшийся гусей Абрикосов решил дать отпор подошедшему гусаку. Решение созрело от страха молниеносно: он наклонился, подобрал с земли подсохшую коровью

лепешку и метнул ею в птицу, а сам пустился бежать обратно к заливу. Гусак несколько секунд стоял не шелохнувшись, остолбенев от такой наглости, а потом пустился вслед за Абрикосовым и гнал его до противоположного берега. Кокосову же ничего не оставалось, как поднять «белый флаг» и объявить о поражении индейцев. Он снял с себя футболку, которая впитала не меньше полкило боевой раскраски, насадил её на первую попавшуюся палку и поднял вверх. Это был знак капитуляции.

Сержант Пол Лопухов и сержант Алекс Калинин праздновали победу. Они обменялись крепким рукопожатием.

– Ну, потопали домой что ли? Кстати, выдумка с гусями, Пашка, это просто пять. Дрессировал ты их что ли?

– Какая ещё выдумка? Это совершенно не знакомые мне гуси, – удивился Лопухов.

– Да ладно? А я думал, что это твой стратегический ход. Слышь, а как мы сами-то тогда тогда через поляну пойдём? Они ведь до сих пор там пасутся, – Калинин выказывал явную неохоту идти тем же путём.

– О, не переживай. Меня дед научил, как нужно с гусями обращаться. Делаешь распальцовку и говоришь гусаку «ша», он от тебя и отваливает, – уверенно сказал Пашка.

И они пошли на злосчастную тропу. Щипавшие травку гуси оживились при виде новых жертв.

– Так смотрят на нас, как будто они плотоядные, а не травоядные. У, зверюги.

– Не бойся, гусыни вообще душки, это только самцы задираются. Но сейчас я им покажу, как дед учил.

Один гусак уже шёл мальчишкам наперерез. Пашка расставил крайние пальцы и голосом китайского ниндзя крикнул «ша». То ли птица была не в курсе, что в этот момент она должна начать бояться, то ли Пашка сделал недостаточно крутую распальцовку, но гусак продолжал наступать. И Пашка с Лёшкой помчались так же, как недавно их индейские противники. Оторвались от погони только на воде.

– Уф, неплохая вечерняя пробежка и заплыв, – не мог отдышаться на берегу Пашка.

– Вот тебе и «ша». Плохо тебя дед учил. Или ученик полная бестолочь, – привычно, смотрел на него Калинин. – Потопали, а то завтра на линейку вставать.

Летний боевой сезон был завершён. Пашка с Лёшкой отстояли свою крепость со счётом 10:0, ни разу не уступив её индейцам Кокосову и Абрикосову. А завтра уже наступало Первое сентября, и начиналась борьба совсем за другие баллы.

– Вот и всё. Прощай, оружие. Здравствуй, школа, – печально произнёс Калинин. Он даже не догадывался, как скоро это оружие понадобится им снова и уже не в потешном, а самом настоящем бою.

Глава 2

Было ясное солнечное утро. Золотые лучи, как маленькие воришки, проникали через форточки в дом. Забравшись внутрь, они начинали нахально отплясывать чечётку на лицах спящих, прогоняя остатки человеческих снов. Но разбудить Пашку было не такой простой задачей. После вчерашней обороны спалось ему просто отлично, в буквальном смысле без задних ног. Без тех, которые они с Лёшкой еле унесли от гусей. Солнечные зайчики и дальше продолжали бы свои безуспешные попытки разбудить Лопухова, но им на помощь подоспела лопуховская мама. Она выполнила свою военную миссию по распахованию штор, и комнату захлестнула волна солнечного света. Им залило самые недоступные уголки Пашкиной комнаты, сделав всё тайное явным. Свет занял место на антресолях, потеснив собравшуюся там пыль и намекнув, что неплохо бы сделать генеральную уборку; заполз под диван, ну и, конечно, на диван он тоже не поленился взобраться. И как Пашка не натягивал одеяло на свою бедовую голову, её уже ничего не могло спасти.

– Мама, можно я ещё посплю? Дай мне хоть рыбу доловить, – протянул мальчик, досматривая утренний сон о рыбалке.

– Не можно. Вставай давай. Сегодня же Первое сентября. Ты же так ждал этого дня.

– Как Первое, уже сегодня?! Чего же ты сразу не сказала?

– Я сразу сказала, как только добудилась тебя. Или нужно было сначала сказать, а потом будить? – засмеялась мама.

Пашка мигом вскочил с постели и подбежал к окну. Солнце уже было высоко, золотая листва тополей и берёз. Дороги заполнили вереницы суетливых машин, а по тротуарам шли нарядно одетые женщины и дети с букетами цветов. «Как же так, жизнь уже во всю бурлит, а я до сих пор спал, да ещё в такой день!» – пронеслось в Пашкиной голове. И он тотчас же принялся исправлять ситуацию: быстро оделся и принялся поднимать гантели. Несмотря на то, что нужно было торопиться в школу на линейку, Пашка всё равно решил не отступить от своих принципов, а зарядка была в их числе.

... «Я проспал!!! Караул! Катастрофа!» – думал Пашка. Хотя пока он ещё никуда не опоздал, но сам факт того, что он встал позже обычного в такой ответственный день (а он всегда ответственно относился к ответственным делам) больно ударил по его самолюбию. За двенадцать лет своей сознательной жизни Пашка ещё ни разу не позволял себе такого разгильдяйства. (Хотя вряд ли все календарные двенадцать лопуховских лет были сознательными. Но сам он утверждал, что так оно и есть и что помнит он себя с родома). Поспать Пашка, конечно, любил и мог самозабвенно предаваться этому занятию долгими часами, но только не тогда, когда намечались важные, можно сказать судьбоносные в жизни события. К счастью, такие случались часто, благодаря воображению и неутомимой энергии как самого Лопухова, так и его друга Лёшки Калинина. И это держало Пашку в тонусе, не давая ему не только облениться, но иногда даже просто выспаться.

Жил он по разработанному им же самим расписанию. Считаю себя обязанной привести сей важный документ, дабы не бросить тень на доброе Пашкино имя, который хоть и был по природе соня, но упорно боролся с этой вредной привычкой):

учебное время:

8.00 – подъём, зарядка, водные процедуры (умывка лица, чистка зубов и ушей);

8.30 – завтрак (полезный!!! и питательный);

9.00 – 14.00 – занятия в школе

14.30 – обед

14.45-17.00 – домашнее задание

17.00.-18.00 – чтение

18.30.

Пн.Ср.Пт. – секция плавания

Вт.Чт. – свобода и творчество

20.30 – ужин;

21.00 – 22.00 – телевизор, можно поиграть в приставку.

Примечание: если в школе всё ок.

22.00 – вечерние водные процедуры (душ, умывка лица, чистка зубов)

22.15 – отбой

Примечание: можно до 23.00. почитать в кровати, если по математике выходит в четверти «4» или «5».

23.00. – 8.00 интересный сон

Каникулы:

9.00. – подъём, зарядка, водные процедуры (умывка лица, чистка зубов и ушей);

Примечание: если идём с бабушкой на рыбалку, то нужно встать в 7.00. Зубы можно не чистить – бабушка разрешает.

9.30. – завтрак (полезный!!! и питательный);

10.00. – план подвигов на день

10.15. – поход в магазин за продуктами

Примечание 1: на сдачу можно купить мороженое.

Примечание 2: в жару его сразу не кусать, а медленно лизать, чтоб согрелось во рту.

11.00. – помочь бабушке

12.00. – помочь бабушке

13.00. – (пока хватит сил). – строительство дома на дереве

Обед: когда бабушка позовёт

После обеда: когда закончим строительство до «пока не надоест» – оборона крепости от индейцев

17.00. – полить огород, прополоть грядки

18.00. – ужин

18.30. – 20.30. написание книги

Примечание: если нет вдохновения, то можно в футбол с ребятами

20.30 – 22.00. – поразвлекать бабушку с бабушкой (поиграть в шашки, нарды или карты (смотря по обстоятельствам))

Примечание: можно попробовать рассказать им о своих творческих планах, но могут не понять.

22.00.-24.00. – чтение на сеновале, поизучать созвездия на небе

Примечание: в полночь нужно быть в своей кровати, а иначе карета превратится в тыкву, кучер в крысу дедушка сам залезет и спустит меня за уши с чердака.

24.00 – 9.00 (или 7.00. если рыбалка) интересный сон

Пашка Лопухов был таким человеком, который верен раз и навсегда установленному распорядку. Это расписание он составил год назад и целый год от него не отступал. По крайней мере, очень старался, так как, конечно, бывали и исключения: всё-таки постоянно придерживаться режима невероятно трудно. Впрочем, расписание корректировалось по ходу дела. Например, пункт «написание книги» появился совсем недавно. А случилось это так. Летом Лопухов извлёк из запылённого дедушкиного шкафа книгу Джека Лондона «Мартин Иден». Мальчик прочитал её целиком, можно сказать, просто проглотил. И так как читал запоем, то проглотил очень легко, а не всухомятку. Образ главного героя, решившего, несмотря ни на что, получить образование и стать писателем, так захватил Пашку, что он тоже вознамерился писать книги. Ну или хотя бы одну. Потому-то личное расписание и потребовало нового пункта. И Лопухов усердно взялся за работу, даже выбрал жанр для своих книг – приключенческие романы.

А начать он решил начать с освещения вопроса коренного населения Северной Америки, то есть с индейской тематики. Книги Фенимора Купера у него и друга Лёшки Калинина просто не переводились, постоянно мигрировали от одного к другому и пополнялись новыми. Жюль Верн и Стивенсона оба тоже уважали. Но, к сожалению, Лопухов был плохо знаком с мореплаванием и жизнью на корабле, которую оба автора так подробно описывали. И он решил, что писать романы о морских приключениях ему пока рановато. Совсем другое дело писать про индейцев, в которых они с друзьями «рубались» каждое лето.

Но тема моря не была окончательно забыта: Пашка планировал записаться в яхт-клуб и приобрести все необходимые знания для описания морских сражений и путешествий. Но пока он ещё не успел осуществить эту задумку и ограничивался секцией плавания. Лопухов считал, что настоящий капитан должен обязательно уметь плавать. Необходимость не только управлять судном, но и проплывать самостоятельно большие расстояния не раз вставала перед многими моряками. Среди них были такие, как Дик Сенд, Робинзон Крузо и даже Мартин Иден, который в начале своего пути был простым моряком.

Лёшка Калинин слегка посмеивался над романтичностью друга, хотя и сам увлекался приключениями и путешествиями. Они читали с Пашкой одни и те же книги, всегда вместе затевали какую-нибудь игру, постройку дома на дереве или организацию исследовательской экспедиции. Но Лёшка всегда подходил к этому с практической стороны. Вот и в выборе спортивных секций решил предпочесть борьбу, так как считал, что правильнее сразу обезвредить врага, а не пытаться от него уплыть. Ко всему прочему, Лёшка ходил в секцию спортивного ориентирования и увлекался географией. Его даже прозвали Дарданеллой. Как-то на уроке географии он единственный из класса сумел отыскать этот пролив. На карте, конечно, а не в кабинете. Так это прозвище и приклеилось к Лёшке, но он не обижался, а наоборот, гордился.

***

После зарядки Пашка отправился восполнять потраченную энергию. Он съел целую тарелку овсяной каши и попросил добавки – впрок! Овсяную кашу, в отличие от большинства детей и взрослых, Пашка очень любил, в основном за то, что после неё очень долго не хотелось есть. Сделав это открытие, Лопухов перед ответственными мероприятиями – обороной форта или «кругосветным» путешествием вокруг острова – всегда съедал пару тарелок овсянки. А Пашкина мама была довольна, что ей не нужно объяснять сыну пользу медленных углеводов, которые содержатся в крупах. Но она ему всё равно о них рассказала, чем очень рассмешила.

– Я знаю, почему они медленные, – авторитетно заявил Пашка, – потому что кашу почти никто не любит, и она лезет в рот очень медленно и очень медленно пережёвывается.

– Нет, – запротестовала мама. – Это потому что сахар из неё медленно поступает в кровь. А не как из этих ваших кока-кол да чипсов.

– Мааам, ну прекрати. Или в честь Первого сентября уроки начинаются и дома тоже?

– Не умничай. Мать плохому не научит. И пойдём уже расчёсывать твои колтуны. Не пугалом же огородным в школу идти.

Мама битый час пыталась укротить Пашкины вихры, которые всё время задирались и топорились, обнаруживая бунтарский и свободолюбивый характер своего обладателя. Наконец, после мамино «колдовства» над ним, Лопухов увидел своё отражение в зеркале: с уложенными гелем волосами, в новом костюме и даже при галстукке, с носовым платком в нагрудном кармане и букетом цветов в руках.

– Это я что ли? – не узнал он себя. С одной стороны, Пашка чувствовал себя настоящим джентльменом. А с другой, чувствовал, как галстук режет шею и жмут лаковые ботинки, после любимых кед казавшиеся кандалами. Лопухова не покидала мысль поскорее снять эту «бесовую одежду». И он уже мечтал, как вновь запрыгнет в рваные джинсы и папину тельняшку и отправится с Дарданеллой на поиски новых приключений.

Пашка подошёл к Лёшкиному дому. Друг ещё не вышел. Лопухов позвонил:

– Ну ты где там?

– Ща, сумку спортивную собираю. Сегодня тренировка по рукопашному после уроков. Через минуту спущусь, – быстро ответил Калинин и «отключился».

«Сейчас меня на смех поднимет за такой наряд», – переживал Пашка.

Ровно через минуту распахнулась дверь подъезда, и появился Дарданелла: в джинсах (хоть и не рваных), в рубашке цвета хаки, со спортивной сумкой наперевес. На голове у Лёшки красовалось непонятное сооружение, то ли гнездо, то ли минимакет атомного взрыва: волосы его были взъерошены и торчали в разные стороны. Лёшка, как и Лопухов, жутко не любил приличной одежды, и никакие катаклизмы в мире не могли заставить его покинуть уютные штаны ковбоя с тысячей карманов и сменить кроссовки на ботинки. Но иногда в комнату врывался такой катаклизм, как мама, и приводил одичавшего Лёшку в человеческий вид. И чем чаще «врывалась» мама, тем больше ускорялась Лёшкина способность дичать. На замечания взрослых друзья всегда отвечали, что лопух и калина – растения дикие и в городских условиях не приживаются.

Но такой открытый вызов Дарданеллы поразил даже Пашку. Явиться так в школу, да ещё и на Первое сентября – это, конечно, было отчаянным поступком.

– Ты чего? Линейка всё-таки, – протянул Лопухов.

– Это причёска – писк сезона. Эффект «только что с постели». Стильно, не требует специального ухода.

– Понятно. То есть это не вызов обществу, а ты проспал?

– Ну в общем да, – улыбнулся Лёха. – А ты-то чего так вырядился, Лопух?! Я уж думал, что за принц датский явился под мои окна и ожидает аудиенции.

– Да ладно тебе. Первое сентября, День знаний и всё такое!

– Ага-ага. «Экзамен для меня всегда праздник, профессор», – засмеялся Калинин.

– Сержант Алекс, вы забываете, что именно я обезвредил вчера краснолицых лазутчиков и отстоял крепость.

– Сержант Пол, так и быть. Раз уж такая петрушка пошла, будем считать, что этот праздник в вашу честь.

– Какая ещё петрушка, Лёха?! Уже осень, петрушка давно отошла, да и причём тут она?

– Отвянь, Лопухов! Выражение такое есть. И пошли уже в школу, и так опаздываем.

Глава 3

Линейка прошла удачно. Хотя Пашка с Лёшкой и не любили официальных церемоний, но были рады увидеть школьных друзей. Но всё же Первое сентября было омрачено, а именно новостью о смене директора. Директор школы, теперь уже бывший, Капитон Терентьевич Рулёв был мужчина средних лет, майор в отставке, решивший всю свою нерастрченную любовь и теплоту отдать детям. За неимением собственных, он решил, что работа директора среднеобразовательной школы ему вполне подойдёт. В Департаменте образования возражать не стали и доверили Капитону Терентьевичу этот пост. И не ошиблись: с приходом Рулёва в школе воцарились порядок и дисциплина: уже никто не курил в туалетах и не отнимал мобильники у младших классов.

К тому же именно Капитон Терентьевич организовал те секции, в которых занимались Лопухов и Калинин. Директор воспитывал в детях не только здоровый дух, но и здоровое тело, учил их справляться с трудностями и выживать в любых обстоятельствах. А секцию рукопашного боя он вёл лично и сам учил ребят бороться.

Новость о его смещении повергла друзей в шок – Лёшка и Пашка любили Рулёва.

– Хоть Капитон Терентьевич и служил в сухопутных войсках, а не в морфлоте, всё же он настоящий капитан корабля. Даже имя его созвучно с этим почётным званием: капитан Капитон. Да к тому же и фамилия Рулёв. Я прямо так и представляю его: смелого и могучего, в белом кителе, в фуражке с кокардой, стоящим за штурвалом. А вокруг кружат чайки, провожая пароход в дальнее плавание, – затаив дыхание и закрыв глаза (видимо, ему так лучше представлялось), говорил Пашка.

– Кончай мечтать, Лопухов, – прогонял всех чаек Лёшка. – Капитон Терентьевич, конечно, замечательный человек, а ты неисправимый романтик.

Но смена директора была лишь частью огорошившей ребят новости. Новый руководитель решил провести настоящую «перестройку», изменив весь школьный распорядок и устав. А первым делом предлагалось уволить всех старых учителей и набрать новых. Не то чтобы Лопухов и Калинин жили душа в душу с преподавателями, но так просто отдавать их они не хотели. Как-никак с ними у ребят было связано столько воспоминаний, замечаний в дневнике и воспитательных бесед. И Пашка с Лёшкой своих учителей любили, даже несмотря на случайные тройки, а бывало, и двойки, в особенности за поведение. Да и учителя отвечали тем же, ценили их начитанность и любознательность. А все чудачества и неугомонность ребят они списывали на счёт двенадцатилетнего возраста, когда трудно усидеть на одном месте. Так что, вопреки всему, в учебном коллективе царил полная гармония.

Особую же любовь мальчики испытывали к учительнице русского языка и литературы Любови Николаевне Добротиной. У обоих, правда, с такой строгой дамой, как грамматика русского языка, дела не клеились. Но и у Лопухова, и у Калинина всегда ярко проявлялся творческий потенциал, а Любовь Николаевна этому всячески способствовала. Она поощряла первые литературные опыты Лопухова и никогда не отказывалась проверить его очередной отчёт о взятии бастиона, поисках сокровищ или пропавшей экспедиции. Часто Пашкины сюжеты были просто сборной солянкой из всего прочитанного им мирового наследия приключенческой литературы. Но плоды его собственной буйной фантазии в них тоже присутствовали. «Проблема в том, – говорила Добротина, – что язык у Лопухова пока ещё сырой и деревянный». В смысле не тот, что во рту – там у Пашки был обычный язык. Тоже сырой, правда, не деревянный, а вполне себе мясной. А вот с тем языком, которым он писал свои опусы, пока ещё были проблемы. Но Любовь Николаевна никогда не выносила их на строгий суд. Наоборот, как читатель, заинтересованный в продолжении книги, она поощряла Пашку к дальнейшему творчеству, ну и параллельно выправляла его «сырой и деревянный».

Лопухов от неё просто балдел! Ещё бы, она была первой читательницей да к тому же почитательницей его таланта. Она сама ему в этом призналась. Даже к Калинину все «индей-

ские хроники» попадали только после прочтения Добротиной. Но Лёшка не обижался: он сам очень уважал Любовь Николаевну, и читать одобренные ею повести ему было вдвойне приятно.

Часто учительница сама спрашивала ребят, что они читают и какие книги хотели бы обсудить на уроках внеклассного чтения. Эти уроки пользовались особой популярностью. Добротина проводила их по собственной инициативе, так как считала, что школьная программа включает в себя слишком мало произведений, а у ребят нужно формировать литературный вкус. Чтобы выяснить, чем зачитываются под одеялом с фонариком ее ученики, Добротина устраивала блиц-опросы. В ряду первых желающих высказать мнение, что и неудивительно, всегда были Лопухов и Калинин. Здесь им было раздолье: на обсуждение предлагались их любимые и уже зачитанные до дыр Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер, Дефо. Но друзья любили не только приключенческий жанр. Они читали детективы Дойля, из фэнтези предпочитали Толкина, а из фантастов – Бредбери и Уэллса. Добротина ценила качественный выбор, сделанный ребятами, поэтому всегда прислушивалась к ним, и они вместе придумывали тему внеклассных бесед.

И вот теперь и занятия в секции борьбы с Рулёвым, и литературные вечера с Добротиной, – всё это собирались упразднить, разрушить, погубить...

Глава 4

Лес шелестел кронами. Это лёгкий свежий ветер залетал в кудрявые, местами пожелтевшие шапки деревьев и, по-детски хулиганя, подбрасывал вверх монисто листьев. Щебетали ещё не улетевшие на зимовку птицы. А по соседству с птицами, среди зелено-охристых крон, виднелись две мальчишеские фигуры. Это Пашка с Лёшкой сидели, болтая ногами, на подоконнике своего дома на деревьях.

... Они уже давно о таком мечтали. А когда в журнале «Руки откуда надо», который выписывал Лёшкин отец, мальчишки нашли макет своей мечты с пошаговой инструкцией, они окончательно решили осуществить задумку. Калинин принёс с дачи все необходимые инструменты. Незадолго до этого он помогал отцу делать баню, и небольшой строительный опыт у него имелся.

Согласно макету, дом был однокомнатный, но с балконом – специальной площадкой, к которой крепились верёвочная лестница, чтобы удобнее взбираться на высоту. Но, несмотря на чисто практическую функцию, Пашка с Лёшкой всё равно предпочитали аристократически называть площадку балконом.

Помня уроки окружающего мира в начальной школе, друзья построили своё отшельническое жилище так, что деревья не пострадали. Ну или почти не пострадали. Гвоздей в них забили минимум, только для фундамента. Укрепив четыре балки, мальчишки настелили сверху доски и уже на этой основе начали возводить дом. Стены сделали из досок, а крышу – из куска брезента, найденного в гараже у Лёшкиного отца. Ребята растянули и накрепко привязали между двумя стволами верёвку. Через неё перекинули кусок брезента, а его свисающие края прибили к стенам. Получилось что-то наподобие настоящего дома. По крайней мере, эта конструкция неплохо укрывала и от холода, и от дождя.

После этого понадобилось обустроить дом внутри. В первую очередь, встал вопрос проведения воды и электричества. С водопроводом не стали мучиться: поставку воды решили наладить из цивилизации, приносить с собой пятилитровые баллоны и расходовать эту воду на все бытовые нужды. С электричеством было сложнее.

– У отца в гараже есть генератор. В нём несколько разъёмов, можно и лампу, и чайник, и даже ноутбук подключить.

– Ну так здорово же, – обрадовался Пашка, думая, что решение найдено. – Спроси у папы и тщи сюда.

– В этом и проблема. Весит этот генератор, по меньшей мере, полцентнера, и как его затащить сюда, на трёхметровую высоту, я просто не представляю, – сокрушался Лёшка. – Да

и займёт он половину нашей жилплощади. Но это даже не важно – втащить такой груз сюда нам все равно не под силу.

Лёшка мучительно думал, но вопрос освещения так и не решался. Тогда друзья решили наведаться в строительный гипермаркет и спросить у продавцов, работающих в секции «Свет». Так и сделали. Пашке с Лёшкой попался бывалый консультант, настоящий матёрый волк в области электричества. Он сразу подсказал им настоящую панацею для их всячего дома, оторванного от всех на свете электросетей. Панацеей оказалась светодиодная лампа, работающая на батарейках. Огромный плюс этой лампы заключался в том, что с задней стороны к ней была приделана липучка, позволяющая поместить лампу в принципе в любое место, которое вздувается. Мальчишкам так понравилось это чудо техники, что они купили сразу две: одну – для общих нужд, а вторую Пашка взял себе, чтобы повесить над раскладушкой и читать по ночам.

Насущные проблемы были решены, оставалось только обставить дом мебелью и создать в нём уют. Но именно дизайн интерьера стал для ребят яблоком раздора. Романтик Пашка выступал за необходимость занавесок и цветов на окнах. А прагматик и аскет Лёшка говорил, что всё это девчоночьи бредни и настоящему мужчине, да к тому искателю приключений, не нужны эти финтифлюшки и рюшечки. В конце концов друзьям пришлось пойти на компромисс – повесить на окнах занавески, но цветов не ставить. А Лёха согласился с тем, что занавески являются незаменимой в доме вещью: «Да и фиг с ними, пускай висят, хоть от мух и комаров будут спасать». На том и порешили.

Что касается дизайна, то выбрали восточный минимализм, а именно девиз «чем меньше мебели, тем лучше». Друзья притащили в своё новое жилище раскладушку, для Пашки. Лёха же предпочёл спать на полу в спальном мешке. «Это по-мужски, буду закалять характер. К тому же я где-то читал, что от сколиоза помогает», – гордо заявил он.

Обстановку комнаты дополнили туристическим столиком и складным стулом. Опять долго спорили, стелить или нет на стол скатерть. Но аргументация Лопухова снова взяла своё. Он заявил, что отсутствие скатерти на столе негигиенично и противоречит санитарным нормам.

– А то к нам прямо завтра собиралась приехать санэпидемстанция, – попытался возразить Лёха.

Но Лопухов был непоколебим и сам вызвался притащить скатерть из дома. Назавтра же в доме отшельников на столе красовалось красное в белый горошек полотно, а посреди стола – стеклянная банка с букетом свежесорванных анютиных глазок.

– Лопухов, откуда Анькины глазищи? – спросил Калинин.

– Мама с дачи привезла, – невозмутимо пояснил Пашка.

– Какая мама, какая дача?! Мы же договорились – никаких цветов! Ты злостно нарушаешь условия контракта.

– Конечно, договорились. Но ведь нужно соблюсти хоть малейшие приличия. У нас же с тобой типа новоселье. Ведь это будет просто неприлично по отношению к нашему новому дому совсем не украсить его.

– А по-твоему, он на нас разобидится, начнёт выгонять и бить дверью по пяткам?! – уже просто взвыл Калинин.

– Построение домашнего очага – главный компонент семейного счастья, и нельзя относиться к этому так наплевательски, как ты. И ты не сердись, пожалуйста, Лёха, но я вот что подумал: нам надо с тобой завести домового, поставить ему в угол коробку с постелькой и раз в месяц угощать его кашей... Ну или... или бутербродом с колбасой, если уж ты так не любишь кашу... Я читал, так нужно делать.

– Что, что ты читал, Лопухов?! Журнал «Семейный очаг» или ты стал фанатом «Крестьянки»? Что за чушь ты несёшь?! – уже кричал от негодования Калинин. – Я ещё колбасу на домового не переводил. Знаешь, я предпочитаю её съесть, чем положить в угол, где она

покроется плесенью ... А предложение украсить наш дом розовыми бантиками и повесить на дверь колокольчик ты случайно не хочешь внести?!

– Бантики, пожалуй, ни к чему. А вот колокольчик пригодится: будет оповещать о том, что кто-то пришёл, – по-прежнему спокойно Пашка разъяснял плюсы своих предложений.

– М-м-м, – ревел и хватал себя за волосы Калинин. – Кто, кто придёт?! А на фига мы строили здесь дом?! Чтобы о нём больше никто не знал и чтобы, кроме нас, сюда больше никто не пришёл. Вот для чего, Лопухов, вот!!!...

... В общем, строительство и переезд в новое жильё, как и для любой семьи, для Лопухова и Калинина тоже не прошли гладко. А ветер играл колокольчиком, висящим на двери, и в лесу раздавался весёлый звон...

В августе друзья наносили последние штрихи к своему укрытию. Лёшка смастерил стеллаж, и они вместе с Лопуховым заставили его приключенческой и фантастической литературой. Калинин принёс из дома примус, котелок и банку малинового варенья, и теперь они могли лежать на своих «полотях», читать книжки и попивать чай с вареньем. Заготовка провизии досталась Пашке, как профессионалу в области домашнего очага. Каждый день он прибегал с корзиной для пикника и пополнял запасы бутербродов, печенья, яблок и чая. Но и Лёха в долгу не оставался, так как ценил добросовестное выполнение Лопуховым обязанностей домохозяйки. Калинин после своей очередной поездки с родителями на дачу всегда привозил целые кули помидоров и огурцов, а также крыжовника и кислицы – на десерт. В общем, юные отшельники не бедствовали, и умереть голодной смертью им не грозило, даже в случае жестокой осады...

... В лесу были разлиты тишина и спокойствие, нарушаемые только естественной мелодией леса: трелями птиц, шорохом травы, стрекотанием кузнечиков. Но не со всех крон раздавался только шелест листьев и пение птиц: откуда-то сверху доносились возмущённые мальчишеские голоса.

– Нет, ну как это прикажете понимать?! Добротину сместили! А кому я теперь понесу на прочтение «Одиссею капитана Одно-ОКО-зато-видит-Далёко».

Это была очередная приключенческая повесть Лопухова, где он решил отступить от индейской темы и всё-таки потренироваться над описанием морских приключений. Он придумал образ нового героя, отважного и смелого капитана корабля, имя которого вынес в название.

– А я что буду делать? Кто меня будет учить бороться, начищать врагу физиономию, морду лица, так сказать?!

– Да, Лёха, дело плохо.

– Предлагаю не унывать: вдруг эти реформы окажутся к лучшему? Мы же ещё не видели наших новых учителей.

– Может ты, конечно, и прав. Но мне кажется, что эти ноу-хау, скорее, хау-ноу. Да и чего хорошего можно ждать от директора школы по фамилии Пруссак?

– Пруссак – это звучит гордо! – сострил Лёха.

– Наверняка, он и сам похож на таракана: маленький, шупленький, рыженький. Жаль, нет тапочка такого размера, чтобы раз – и прихлопнуть. Просто упущение обувных фабрик.

– Ну ты и садист. А с виду такое миролюбивое существо. Ещё и писатель, хоть и начинающий. Чему же ты научишь молодое поколение? Ведь писатели, они же, как это называется поумному? – Лёшка потёр виски костяшкам пальцев, для активации мозгового процесса. – Ага, вспомнил. «Властители дум», вот кем они всегда были. А ты что же хочешь нести агрессию в массы?

– Да ничего подобного. Я добрый. Тебе ли этого не знать?

– Ещё бы, я от тебя столько добра натерпелся, – пошутил Лёшка, вспомнив обустройство их «висячего» на деревьях дома.

– Что? – не понял Лопухов. – Ты на что это намекаешь?

– Да ни на что я не намекаю. Не кипятись, я просто пошутил. Я знаю твою тонкую душевную организацию, нежную привязанность к домовым.

– Издеваешься, да?

– Нет, ну честное слово. Почему ты всегда перевираешь мои слова? – искренне удивился Калинин.

– Наверное, потому что твои слова дают повод. Либо... либо ты просто не умеешь выражать свои мысли, – высказал предположение Лопухов.

– А вот это точно про меня, – решил замять свою неудачную шутку Лёшка. – Ещё бы, кто в конце концов из нас писатель, ты или я? Это тебе положено по статусу грамотно говорить и красиво выражаться. А из меня плохой оратор. В Древней Греции меня бы просто закидали камнями, если бы я решился выступить с речью.

– Да, тогда без этого искусства нельзя было добиться успеха в обществе, – глубокомысленно вздохнул Лопухов. – Да и сейчас тоже. Что как ни литература способно развить в человеке умение красиво и грамотно говорить, привить ему красноречие вместо косноязычия? Так что, Дарданелла, как ни крути, а литература всё равно для нас является важнейшим из искусств.

– Жаль только, что иногда хорошие ораторы получают из очень плохих людей, а из красноречия – средство для развешивания лапши на уши, – привёл Лёшка железобетонный аргумент. Литературный фанатизм Пашки его смешил, но одновременно он и уважал его за такую преданность любимому делу.

В таком философском русле проходила беседа друзей, навеянная им последними событиями. И хоть события эти разворачивались лишь в пределах школьной ограды, для Пашки с Лёшкой они были куда важнее мировых.

Глава 5

Первый день учебного года сам по себе волнителен. А когда идёшь в неизвестность, когда вместо доброй улыбки любимого преподавателя, не знаешь, кто тебя встретит, этот день становится волнительным вдвойне. Для Калинина и Лопухова, да и для их одноклассников так и было. Лёшка и Пашка, несмотря на то, что уже опаздывали, шли медленно, оттягивая момент казни.

– Лёх, слышь, ты чего своё «гнездо»-то пригладил?

– Да, пригладишь тут, когда не понятно, чего от них ждать. Раньше я хоть знал, что за мою стильную причёску максимум, что мне грозит, это воспитательная беседа с Рулёвым. Тем более что я и сам был не прочь лишний раз с ним пообщаться. Мужик он мировой. А сейчас что? Исключат ещё из школы в рамках новых реформ. Родители меня потом прибьют.

...Первым уроком был русский. Класс до прихода учителя находился в необычном для себя состоянии: никто не рассказывал анекдотов, никто не смеялся и не описывал в красках всех приключений, произошедших за время летних каникул. Калинин и Лопухов сидели за последней партой как в воду опущенные и даже не разговаривали. Все тихо ждали... И тут вошла она, «дыша духами и туманами». Эта ещё не старая, сухая и костлявая дама даже не удостоила детей приветствия. Она написала на доске своё имя, увидев которое, ребята сразу поняли, что они избавлены от необходимости придумывать новой учительнице прозвище. На доске мелким, убористым, «угловатым» почерком было выведено:

ОРФОГРАФИЯ ПАВЛОВНА ЗАПЯТУЛЬКИНА

Лёгкий смешок, прокатившийся по классу, явно не настроил особу в пользу детей. Она села за стол, с видом чрезвычайно серьёзным открыв классный журнал и взглядом великого инквизитора из-под тонких стёклышек очков начала пытливно вглядываться в каждого ученика.

Повисла пятиминутная тишина. Наконец, «особа», видимо, оставшаяся довольной осмотром, исторгла из себя металлическим голосом:

– Я ваша новая учительница русского языка и литературы. И чтобы без всяких мне там... «штучек», – и она со всей силы хлестнула указкой по столу.

Все вздрогнули, а «особа» продолжала:

– Мы будем с вами изучать правила нашего «великого и могучего» языка, как о нём ещё сказал один из талантливейших писателей восемнадцатого века Михаил Васильевич Гоголь. Я вас научу говорить и писать, как следует.

В классе прошёл ропот...

– Так, и «болтологию» мне здесь не думайте разводить. Запомните, слово «язык» в названии моего предмета не нужно воспринимать буквально, как призыв к работе этого органа. Пусть ваши милые розовые язычки, – и Орфография состроила ехидную гримасу, – покоятся в ваших ротиках. Там они будут сохранней, иначе вы рискуете расстаться с ними навсегда!

Весь оставшийся урок протекал примерно в том же русле. Орфография успела огласить весь список своих требований и запрещений, подытожив его ободряющим призывом к плодотворной учебной деятельности: «Я люблю, чтобы меня слушали. Для тех, кто недопонял, два раза повторять не буду. Для неврубившихся в пройденный материал у меня есть особые методы навёрстывания упущенного. Специальная система обучения подготовлена мной и для особо одарённых... среди слаборазвитых. Так что, детишечки, поздравляю вас с началом нового учебного года и надеюсь, мы с вами сработаемся... Да, домашним заданием будет написать сочинение на тему «Как я провёл лето». До свидания, дети...»

...Лёшка с Пашкой из кабинета русского выползали как два сморённых солнцем дождевых червя.

– Да, Лёха, это полное хау-ноу. Чего-чего, а такого даже я не ожидал.

Калинин молчал, видно было, что в голове у него идёт тяжёлый мыслительный процесс.

Глава 6

Следующим уроком был английский. Кабинет иностранного всегда вызывал у друзей прилив самых хороших чувств. Лопухов обожал английский, несмотря на весьма незавидные знания языка. У Лёшки же были очень хорошие способности не только к английскому, а вообще к языкам. Ещё в детстве Калинин пробовал постигать азы японского. По телевизору в то время шла обучающая программа, и Лёшка, как добропорядочный полиглот, не пропускал ни одного выпуска. К окончанию курса обучающих передач, он выучил японский в совершенстве, но потом, из-за отсутствия постоянной практики, забыл. И теперь на просьбы Лопухова сказать что-нибудь по-японски, мог похвастаться только «саёнара», то есть «здравствуйте».

Позже Калинин решил самостоятельно изучать французский, по учебникам и дискам. Но на второй неделе курса аудирования сказал Пашке: «Всё, бросаю. Слишком картаво говорят, у меня так даже язык не поворачивается. Боюсь его сломать. Ещё пригодится». С тех пор свои лингвистические задатки Лёшка развивал лишь в английском. И его старания вознаградились хорошими результатами. Пашка же не мог похвастаться такими блестящими знаниями, но английский всё равно обожал.

В прошлом году к ним, тогда ещё шестиклассникам, пришла новая молодая учительница – Анастасия Геннадьевна Улыбайкина – и сразу очаровала весь класс. Калинин ещё запомнил первую реакцию Лопухова на появление Улыбайкиной в их жизни. Естественно в жизни школы, а не их собственной. Своими впечатлениями от молодой «англичанки» Пашка поделился с другом сразу же после урока. Он бы и на уроке это сделал, но боялся, что его подслушают Кокосов с Абрикосовым. Пришлось дожидаться перемены, хотя Пашке не терпелось рассказать Лёхе о вспыхнувших чувствах.

– Вот повезло-то, Дарданелла, такую училку дали – закачаешься! – выражал он свои бурные эмоции. – И красивая, и умная, ещё и английский знает. Обалдеть можно!

– Лопухов, ты что-то не очень уважительно отзываешься об объекте твоей новой страсти: училка. Во-первых, она для тебя не училка, а Анастасия Геннадьевна, хотя бы потому, что старше тебя минимум лет на десять. А во-вторых, куда подевалась твоя романтика?

– Не придирайся к словам, Дарданелла. Случайно вылетело, от переизбытка чувств. У меня, между прочим, потом в голову сразу пришли стихотворные строки. И если бы ты не перебивал меня, то даже узнал бы какие, – обиделся на критику друга Пашка.

– Так-так-так, очень интересно послушать. Может, из Пушкина: «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя, одна в глуши лесов сосновых, давно-давно ты ждёшь меня»?

– Дарданелла, у тебя просто потрясающее умение всё высмеять. Ты можешь проделать такой номер с любыми, даже самыми благородными порывами, – возмутился поведением Лёшки Лопухов. – Во-первых, Анастасия Геннадьевна ещё совсем не дряхлая, если ты сам не заметил. А во-вторых, мне вспомнились совсем не эти строки. С удовольствием бы прочитал, только такой толстокожий бегемот, как ты, всё равно в них ничего не поймёт, – съязвил Пашка.

– Я буду очень стараться, Паш. Читай же, публика просит. «Спой, светик, не стыдись», – подбодрил его Калинин. – Ну? Чего ты ждёшь, аплодисментов?

– Да уж. Если от тебя чего-то и можно дожидаться, то только ножа в спину... в фигуральном смысле выражения. Твоё счастье, что я сегодня добрый, – пояснил Пашка своё намерение всё-таки приобщить Лёшку к прекрасному. Хотя, на самом деле, ему просто хотелось похвастаться знанием стихов, которые он сам прочитал в случайно кем-то обронённой любовной записке. Так как в записке было указано одно лишь имя адресата, точнее, адресатки, – Катя, то Пашка не смог сделать то, что диктовали его благородные порывы, а именно вернуть записку. Вешать объявление о находке на школьное расписание Пашка тоже не стал, решив, что это не этично и он, того не желая, может раскрыть чью-то тайну. Выбросить записку у Пашки не поднималась рука, поэтому он её сохранил, а стихотворение выучил наизусть: должна же быть хоть какая-то польза от находки. – Стихи! – громко произнёс Пашка и приступил к декламации:

Среди планет, в мерцании светил,
Одной звезды я повторяю имя,
Не потому, чтоб я её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у неё одной прошу ответа,
Не потому, чтоб было с ней светло,
А потому, что с ней не надо света, –

на одном дыхании прочитал Пашка.

– Красиво. Это чьё?

– Не знаю, кого-то из великих.

– Это я и без тебя понял, – ответил Лёшка. – Но молодец, что хоть себе не приписал. Хотя я бы всё равно не поверил... И что, ты теперь хочешь прочитать их Улыбайкиной?

– Да, а что в этом такого? Женщины любят стихи.

– Ничего такого. Только переведи сначала на английский, а то вдруг она не поймёт. Она же сегодня ни слова по-русски не сказала, – пошутил Лёшка.

– Очень смешно. Ха-ха-ха. Прибереги свои шуточки для других, а над своими чувствами я не позволю смеяться, – грозно глянул на Калинина Лопухов.

– Постой, Пашка. А как же Добротина? Ведь ты говорил, что твоё сердце навсегда принадлежит ей, «этой потрясающей, интеллигентной и умной женщине». Или я что-то путаю?

– Не путаешь. Добротину я и сейчас люблю и уважаю. Но как ты не можешь понять, Лёха, что сердце творческого человека не может принадлежать одной женщине? Оно принадлежит всем женщинам мира сразу.

– А! Ну, тогда дальнейшие вопросы отпадают, – отступился Калинин.

А у Пашки с тех пор появился новый объект для поклонения и почитания. Улыбайкина всегда придумывала какую-нибудь игру, направленную на усвоение выученного материала, и проводила её в классе. Пашка принимал в играх самое активное участие и болтал без умолку, правда, больше по-русски: по-английски ему было трудно говорить быстро, а привычные скорость и темп речи ему не хотелось сбрасывать. Поэтому, чтобы объясниться на уроках иностранного, Лопухов нередко прибегал к помощи родного языка.

Один такой случай Пашке запомнился больше всего, так как тогда весь класс «полёг» от смеха. Улыбайкина предложила поиграть в игру. Выбрала двух человек из класса – отличницу Светку Ромашкину и его, заслуженного троечника, правда, склонного к «хорошисту», Лопухова. Одному участнику Анастасия Геннадьевна пообещала дать карточку с изображением какого-нибудь предмета, другому – чистый лист. Но участник, вытянувший пустой лист, не должен был в этом признаваться. Обоим предлагалось описать, что нарисовано на картинке, не показывая её классу. Другие ученики могли задавать наводящие вопросы. В конце концов класс должен был угадать, кто на самом деле описывал картинку, а перед кем был только чистый лист и описывал он вымышленное изображение.

Лопухов, зная свою невезучесть, даже не удивился, когда увидел, что чистый лист достался ему. Игра началась. Светка стала описывать натюрморт: «I have a scene of breakfast on my picture. I see the big blue kettle and five cups. There are some rolls, butter and candies on the table. There are different fruits such as oranges, bananas and apples in the vase»¹

---

¹ На моей картинке – сцена завтрака. Я вижу большой голубой чайник и пять кружек. На столе булочки, масло и конфеты. В вазе различные фрукты, такие, как апельсины, бананы, яблоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.